ВЕСТНИК
Казачьего Союза

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

СЕНТЯБРЬ 1948
ПАРИЖ

ВЕСТНИК КАЗАЧЬЕГО СОЮЗА

MESSAGER DE L'UNION DES COSAQUES

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Директор: Н. Н. де Линьи. ПАРИЖ Редакционная коллегия

Появляясь на свет «Вестник Казачьяго Союза» приветствует учредителей и членов Союза, мыслям, заботам и жертвам которых «Вестник» обязан своим рождением.

Вы, дорогие наши станичники, пожелали вновь быть организованными, чтобы **все** казаки без различия войск, вновь восстановили свой Казачий Союз, — **единую** Казачью Семью, Казачью Крепость, Казачий Дом, где казаки, находили бы утешение и радость, защиту и помощь, где создалась бы братская атмосфера, которую казаки имели когда-то в своих родных Казачьих Краях — в великой семье нашей общей Родины-России.

Только в организации, в объединении **всех** нас, казаков, мы можем обрести на чужбине эту Казачью Семью, эту родную атмосферу.

Мы знаем, что многие необходимость Союза понимают слишком практически: в смысле получения только материальной помощи. К сожалению, ни одна организация не может удовлетворить такому требованию, так как ни одна, по эмигрантским условиям жизни, не может располагать достаточными материальными средствами. Мы считаем вполне естественным, чтобы Казачий Союз в нужные моменты, по мере своих возможностей, приходил на помощь своим сочленам. Это его святой долг. Однако, участники Казачьего Союза не должны упускать из виду, что и они сами также должны проявить жертвенность. Без такого живого содействия Союз не изыщет потребных средств.

Но миссия Казачьего Союза не в том только, чтобы лишь удовлетворять просьбы о материальной помощи. Казаку(— особенно в эмиграции, — важно и нужно знать и чувствовать, что он не одинок, не заброшен.

Ведь на чужбине нередко тяжело казаку, даже если он и материально не нуждается. Тяжело самое одиночество.

И если казак еще не выродился окончательно, не растворился без остатка в окружающей чужой среде, он инстинктивно тянется к другому казаку. Оформление этой казачьей душевной тяги друг к другу, практическое выражение ее, упрочение и усиление общения со своими станичниками-казаками — вот сущность, душа Казачьего Союза...

И в этой моральной и общественной природе Казачьего Союза и есть его основной смысл и жизненное значение для казака-эмигранта. Он — не один! Он — член **одной** большой Казачьей Семьи, Казачьего Сотоварищества!...

Братский привет наш **всем** казакам и казачкам без различия войск, рассеянных по всему миру.

Сердечный привет казачьей молодежи. Она растет и воспитывается в условиях, неблагоприятных для познания родного ей казачества, его земель, его исторического прошлого, его идеи и идеалов. Но будем верить, что близкое общение ее с Казачьим Союзом и посильная казачья общественено-культурная работа помогут казачьей молодежи, вопреки неблагоприятным условиям на чужбине, стать настоящими казаками.

Редакция.

ЛЮДМИЛА БРИЖАТОВА.

ДВА ВОСЬМИСТИШИЯ

1.

Куда ни посмотри — везде цветы, цветы, —
Лиловые, оранжевые, красные.
Куда ни посмотри — возде кресты, кресты
И ангелы из мрамора прекрасные.
О, этот город мертвых на холме,
О, этот город, озаренный светом.
Какая святость в этой тишине,
Какая тишина в покое этом.

2.

Любовь такая: призрак, грезы, сон.
На самом деле это все иначе.
Пути скрещаются, потом, она иль он,
Меняются, не любят, плачут.
Года бегут, и нет ни слов, ни сил,
И к прошлому возможного возврата.
А прежнюю любовь никто не воскресил.
Земля ли глубока? Иль тяжела лопата?

МАРИЯ ВОЛКОВА.

ДОН

Есть напевы, есть воспоминанья,
Звуки слов, и шорохи и сны,
Что волнуют нас очарованьем —
Скрытого значения полны.
Далеко моя осталась юность,
Но с тех пор, как колокольный звон,
Некие таинственные струны
Задевало в сердце слово: Дон.
Отчего? Я даже — не соседка
И донской воды я не пила!
Но в крови — чрез кровь забытых предков —
Память о минувшем залегла...
Жили три столетья с половиной
Прадеды и деды в том краю,
Провела я молодость свою.

Север мой... его ли позабуду?
Юг забыли родичи мои,
Но пришли — пришли они оттуда,
Из придонской солнечной земли!
Потому, как вечное наследье —
Через даль просторов и времен —
Полновесный колокольной медью
Отдается в сердце слово: Дон!

ЮЛИЯ ПРИГОДИНА.

ДВЕНАДЦАТЬ

На степном просторе поля дикого
Веет трав целинный аромат.
Здесь Донское войско — Всевеликое
Где перед исходом на чужбину
Вывело клекочущих орлят.
Затопило кровью царство Ханское
На широкой матушке-реке:
Основало войско Астраханское,
Утвердилось в терском казаке
И Сибирским войском покатилося
В неизведанный татарский мир;
На Урале Яицким прослылося,
Оренбургским став среди башкир.
Не грозой, а поредевшей тучею,
Через степи, прямо на Тамань, —
Сечь остатком воинства могучего
Заселила непокорную Кубань.
Семиречье, Забайкалье, Уссурийское
И Аумр, Иркутск и Енисей...
Ну-ка, племя необъятное — российское,
Поищи себе таких детей!
И сегодня, в годы лихолетия,
Вам, двенадцать, славу воздаю,
Вам, создавшим Родину мою.

НИКОЛАЙ ЕВСЕЕВ.

КАЗАЧЬЕ СЧАСТЬЕ

1.

Ты, родимое счастье казачье! —
Вековой разливанный простор,
Дудаки где дозором маячат,
Охраняя бурьянный ковер.
Ты — гурты, табуны и отары,
Хлебороба живительный труд.
Ты — закатные в небе пожары,
Стародавний казачий уют.
Ты — казачья нетленная слава,
И такая ж казачья любовь.
Ты — отвага, победная лава
И дождями пролитая кровь.

2.

Сияло солнце ярко.
В траве кузнечик пел:
— Как счастлив он, как жарко,
Как благостен удел
Жить на земле пахучей
Под солнцем и луной
В прекрасном крае, в лучшем,
В стране своей родной.
Сурок на задних лапах
На бугорке сидел,
Вдыхал полынный запах,
И все о том же пел.
И вдруг душа запела
В каком-то полусне,
По-детски захотела
Увидеть в вышине
Ее — улыбку Божью
Над ласковой землей,
Над степью бездорожной,
Над дымкой голубой.

ВЛАД. СМОЛЕНСКИЙ.

ЭЛЬБРУС

Он над разорванною тучей
Сияет в золоте лучей,
И равнодушный и могучий,
Над миром страха и страстей.
И мудрое его молчанье,
И голубая белизна,
Как вечное напоминанье
О том, что только вышина
И чистота бессмертны в мире —
Все остальное мгла и дым,
Как туча эта, что все шире,
Все тяжелей ползет под ним.

РОДИНЕ

Люблю тебя последнею любовью
И первою — ревнивой и одной,
Моим дыханьем и моею кровью,
Земной люблю тебя и неземной.
Люблю тебя в отчаяньи и в счастьи,
В воспоминаниях, в надеждах, в снах,
В раздумьи, в восхищении и в страсти,
В презреньи, в гневе, в страхе и в мечтах.
Люблю тебя напрасно, неумело,
В величьи, в рабстве, в громе и в тиши,
Люблю тебя движеньем каждым тела,
И каждым вдохновением души.

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ.

ГУРДА

Гурда, по-чеченски: держись!

1.

На клинке блестящем у эфеса
Полумесяц рваный и звезда.
Нет на свете лучшего отвеса,
Чем отвес твой, драгоценная гурда.

В мире нет тебе подобной стали —
Невесомой, гибкой и сухой;
За тебя мюриды умирали,
Чтобы только обладать тобой.
Ты в руке испытанной у бека
Без зазубрин разрубала гвоздь,
Рассекала смаху человека
От плеча до паха наискось.
Говорят — и повторяют это —
Что тебя, с заклятьем на устах,
Выковал по просьбе Магомета
В поднебесной кузнице Аллах.
Для твоей неукротимой славы
Украшенья были не нужны:
Костяная рукоятка без оправы,
В темной коже — легкие ножны.

2.

Чеченская песня

«Просохнет земля, на могиле моей —
И слезы у матери станут скупей,
А горе твое, престарелый отец,
Заглушит над гробом растущий чебрец;
Как вешнего снега — недолга пора
Печали твоей, дорогая сестра.
Но ты не забудешь чеченскую честь,
Мой старший возлюбленный брат,
Меня не забудешь — кровавую месть
Тебе завещает адат;
Меня не забудет и братец меньшой,
Пока сам не ляжет со мной.
Горчая пуля меня уведет, —
Но пулям своим потерял я учет;
Земля мой последний покроет привал;
Но вволю ее я конем истоптал;
Холодная смерть, породнюсь, я с тобой, —
Но в жизни была ты моею рабой».

3.

Месть за сына, за отца, за брата,
За семью поруганную — месть!
Нет войны священней газавата,
Но враги безжалостнее — есть.

Над имамом флаг зеленый реет:
Весь Кавказ привстал на стременах;
Над Баклановым по ветру веет
Черный с черепами флаг.
Рассыпались всадники по полю,
С каждым смерть скакала на-обочь;
На чеченскую седую волю
Опускалась северная ночь;
Над страницами раскрытого Корана
Оседала поднятая пыль;
Казаки в аулах Дагестана,
На Гунибе — сдавшийся Шамиль.
Стала ты подругой у шайтана,
Породнилась с заколдованной рукой, —
Черт Петрович генерал Бакланов
Самовластно завладел тобой.

4.

Казачья песня

«Вдоль по линии Кавказской
Млад-сизой орел летал.
Он летает пред войсками
Наш походный атаман;
Он с походом нас поздравил,
Отдавал строгий приказ:
Чтоб у вас, ребята, были
Ружья новые Бердан, —
Ружья новые Бердана,
Шашки острые в ножнах,
Пистолеты в кобурах...
Что ты, ворон, что ты, черный,
Что ты вьешься надо мной?
Ведь добыча то плохая:
Я — казак — еще не твой!»

5.

Черт не спит. Ему давно не спится.
Скучно в Петербурге одному.
Старый черт из Гугнинской станицы
Был роднею деду моему.
И ему, предчувствуя кончину,
Он тебя на память передал.
В Петербурге умер от кручины
Сосланный казачий генерал.

Дед носил тебя, ценить умея, —
И уча потом носить меня, —
На кавказской узкой портупее
Из простого сыромятного ремня.

6.

Ты одна со мною разделила
Юность бесшабашную мою,
Ты меня настойчиво учила
Нужному спокойствию в бою.
За тобой — баклановская слава,
А за мной — двадцатилетний пыл.
Подхватила нас казачья лава,
Сумасшедший ветер закружил.
Что тогда мне снилось и казалось?
Сколько раз рубил я сгоряча
Смерть свою, которая касалась
Ненароком моего плеча.
Помнишь вьюжный день на Перекопе?
Мертвый конь, разбитые ножны...
Много лет живя с тобой в Европе,
Ничего забыть мы не должны.

Б. УЛАНОВ.

МОРАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ КАЗАЧЕСТВА

В основе культуры современного демократического мира лежат две великих идеи: идея Морали и идея абсолютной ценности человеческой личности. Они перешли Человечеству в наследство от благородной культуры античного мира и на недосягаемую высоту вознесены идеей Христианства. Когда бы мы отвергли эти идеи, то вместо человеческой личности и человеческого общества, мы перед собою имели бы животное и его стада.

Ныне, в тяжкий период истории казачества, когда са́мое его существование подвергается сомнению, а на Родине само имя казака является почти преступным, представляется особенно необходимым определить его моральную сущность и дать общественное и моральное оправдание его историческому бытию.

Казачество может сказать про себя: — «ничто человеческое мне нечуждо, а ошибки свойственны всем!».

Не вдаваясь вглубь веков или в детали казачьей истории, можно утверждать следующие положения.

Если понятия человеческой свободы, свободы человеческой личности, свободное общественное самоуправление являются первыми добродетелями современной демократии и оригинальными чертами национальной и гражданской природы самых передовых народов современности, то еще в незапамятные времена, много веком тому назад, у казачества, как принадлежность его натуры и быта, был **основной** и священный принцип: казак — личность вольная, свободная, а в казачьем быту, в его общественном строе в отношении казаков **исключалось** рабское состояние. Это было в те далекие времена, когда во всей Европе еще существовало крепостное право, право собственности на христианскую личность.

Казак — личность свободная и равноправная: ни касты, ни ссловий в его обществе. Всяк казак в праве своем равен другому. Отсюда — свободное и равное участие казаков во всех делах Войска, т. е. Казачьего народа или Казачьего государства. Поэтому в казачьем правосознании не вмещалось понятие диктатора.

В верховном органе казачьей государственности — Войсковом Круге, подобном народным собраниям античной демократической Греции, равноправное участие принимали все казаки, способные носить оружие, каковая способность была бесспорно

признаком воинской зрелости, равнозначущей и гражданской. Казак был гражданином-воином.

Таким образом, Казачество в отличие от всех народов не только средних веков (исключением могут быть швейцарцы), но и позднейшего времени, было самоуправляющимся народом, высшим общественным принципом которого была народная воля, а ее верховным органом — Войсковой Круг. Такое положение — бесспорно, начиная от начала XIV столетия. Естественно, оно не появилось моментально: его корни уходят в даль веков.

В те далекие времена, когда свободная личность не только в Европе, но и во всем мире, могла быть только в мечтах, а о народоправстве были только намеки, казачество жило и управлялось принципом, который в современном обществено называется демократией или демократическим строем. Глава Войска и высший орган исполнительной власти — Войсковой Атаман назначался свободным избранием Войска или Казачьего народа в лице Войскового Круга.

И когда в наши дни демократическое человечество восстало и боролось с диктаторскими порядками и устремлениями тоталитарных стран с целью восстановить демократический порядок, это было восстановлением лишь того, тех общественных принципов, которые составляли неотъемлемую сущность казачьей общественной природы. А если бы в старое время кто вздумал незаконно нарушить личную свободу казака, то, помимо законных органов власти, обязанных ее защищать, было еще одно обеспечение его свободы: это — его оружие. Разве это отличается от английского принципа защиты свободного английского гражданина?

Поэтому справедливо утверждать: общественный принцип Казачества стоял на уровне идеи и принципов демократического строя передовых народов современности.

Свобода личности казака есть выражение и признание абсолютной ценности человеческой личности.

Глубокая вера и благочестивое почитание религии, страстная ее защита от посягательства извне, почитание родителей, глубокое уважение старших, заслуженных казаков, безмерно ревнивое отношение к чести казачьей, жертвенная забота о своих товарищах в походах и в бою, отвага и доблесть — вот подавляющие черты характера Казачества, черты, вне которых не существовало понятия казака. Эти черты его характера поднимают моральное достоинство и моральную сущность его до уровня, выше которого, может быть, не поднялось и современное передовое человечество.

Но необходимо указать еще на один принцип в социально-экономической и правовой жизни Казачества, а именно его отношение к правам на землю. Это вопрос составлял предмет трудных и тревожных исканий общественной и научной мысли куль-

турного человечества. Сколько борьбы, революционных переворотов из-за этого вопроса! И, как последнее в этой области слово, в истории европейской мысли явилась идея национализации земли. Принцип частной собственности на землю не раз приводил к страшной реакции народные массы.

И только казачий принцип землевладения и землепользования устраняет темные стороны опытов в праве на землю в народной жизни и устраняет основания кровавой борьбы за нее.

Не имеет ли основания Казачество сказать про себя, что в отношении такого огромного исторического вопроса, как вопрос о земле, оно сказало слово, порожденное лишь его собственной мыслью и претворенное в действительность только им так, как то не удалось ни одному народу в истории.

На протяжении всей своей истории оно далеко не всегда было окружено дружескими народами. В борьбе за свою свободу и жизнь Казачество приносило великие жертвы. Но оно возрождалось неизменно. Что давало моральные силы Казачеству.? Неотъемлемые элементы казачьего духа и души, присущие ему общечеловеческие принципы морали, свободы личности, ее абсолютной ценности, принцип Демократии и мудрое решение земельного вопроса.

Итак, если современные, передовые народы боролись за демократические начала, то Казачество жило ими. Если передовые народы современности для утверждения этих начал прибегали к революции, проливали моря крови, проходили через безмерные разрушения и разорения, то для Казачества те принципы были историческими элементами его быта и бытия. Для торжества своих демократических идей Казачеству не зачем было устраивать кровавые оргии и уничтожать веками накопленные и созданные богатства.

Если только ныне культурное человечество дошло до сознания необходимости борьбы с тоталитарной силой советской властью, то эту борьбу в различных формах и видах Казачество вело и ведет во все время ее существования.

Не погрешая против истины, можно сказать: общественная и моральная ценность Казачества и оправдание его исторического бытия — в величайшей ценности принципов его общественного и государственного строя и моральных основ его жизни, являющимися и общечеловеческими великими принципами жизни. Пусть знает это весь мир; пусть знают грядущие поколения казачества, которое, преодолев рабский строй и гонения на Родине, все трудности и искушения на чужбине, все испытания жизни, вновь придет к торжеству своего «древлего казачьего обыкновения», чтобы вновь обрести себе на родиной Земле достойное место под солнцем...

Н. Т.

Старшинство казачьих войск и военная сила *)

Первое упоминание о казаках, обитавших по Червленному Яру, имеется в русской летописи от 1444 года о набеге Ордынского царевича Мустафы на Переяславль-Рязанский.

Донское Войско. Официальное старшинство с 1570 года января 3-го, — дата грамоты царя Иоанна Грозного к казакам жившим на Северном Донце. Но летопись упоминает о донских казаках уже в 1549 году (жалоба нагайского князя Юсуфа к царю Иоанну на казаков не дающим нагайцам «воду из Дона пить».

Войско выставляло 2 гвард. полка, 1 гвард. батарею, 17 кон. полков, 7 батарей, 6 отдельн. сотен и 10 местных команд.

Кубанское Войско. Официальное старшинство с 1696 года, по старшинству Хоперского полка, основанного из Хоперских казаков, участвовавших в походе на Азов в 1696 году. Но поселенные на Тамани запорожцы (черноморцы) ведут свое начало из Запорожской Сечи, основанной в 1556 году.

Войско выставляло 2 гвард. сотни (конвой Е. В.), 11 конных полков, 1 кон. дивизию, 5 батарей, 7 отдельных сотен, 4 местных команды и 6 пластунских батальонов.

Терское Войско. Официальное старшинство с 1577 года, когда астраханским воеводою Новосильцевым был основан город Терка. Но есть предание, что в 1520 году часть казаков живших на Червленом Яре, спустилась по Волге в Хвалынское (Каспийское) море и высадилась в устьях Терека, причем казаки эти разделились на две общины: поселившиеся на берегах Терека стали называться «терскими», а поселившиеся ближе к отрогам (гребням) гор стали называться «гребенскими».

Войско выставляло 2 гвард. сотни (конвой Е. В.), 4 конных полка, 2 батареи, 4 отдельных сотни и 2 местных команды.

Астраханское Войско. Официальное старшинство с 1750 года марта 28-го, когда Астраханская казачья команда переформирована в Астраханский конный полк. Астраханская же казачья команда ведет свое начало с 1552 года — покорения Астрахани.

---

*) Приводимое здесь старшинство отнюдь не разрешает вопроса о происхождении казаков; это старшинство установлено Российской империей на основании первых сведений о казаках, отмеченных в официальных актах империи (тогда еще царства).

Войско выставляло 1 гвард. взвод и 1 конный полк.

Уральское (Яицкое) Войско. Официальное старшинство с 1591 года июля 9-го, с первого упоминания о службе яицких казаков Московскому государству в наказе, данном царем Федором Иоанновичем астраханским воеводам. Но уже в 1577 году, после столкновения на Волге казаков с царскими войсками, часть казаков во главе с атаманом Нечаем появилась на берегах Яика (Урала).

Войско выставляло 1 гвард. сотню, 3 конных полка и 2 местных команды (войско после Пугачевского бунта было лишено артиллерии, которая была восстановлена только во время войны 1914-17 г.г.).

Оренбургское Войско. Официальное старшинство не установлено. В 1736 году февраля 11-го, в новоустроенных городах Оренбурге и Тобынске учреждены казаки из уральских новокрещенцев-мещеряков, отставных солдат и охотников из яицких и сибирских казаков.

Войско выставляло 1 гвард. сотню, 6 конных полков, 1 кон. дивизион, 3 батареи и 3 местных команды.

Сибирское Войско. Официальное старшинство с 1582 года декабря 6-го, когда посланный Ермаком атаман Иван Кольцо с товарищами поклонился Иоанну Грозному царством Сибирским.

Войско выставляло 1 гвард. сотню, 3 конных полка, 1 отдельную сотню и 3 местных команды.

Семиреченское Войско. Старшинство одинаковое с Сибирским. Фактическое существование войска началось с 1867 года июля 14-го, когда 9-й и 10-й Сибирские каз. полки были выделены в особое Семиреченское казачье войско.

Войско выставляло 1 гвард. взвод и 1 конный полк.

Забайкальское Войско. Официальное старшинство не установлено. В 1851 году марта 17-го образовано Забайкальское казачье войско, в состав которого вошли пограничные казаки (ведущее начало с 1772 года) и бурятские полки (начало с 1772 года).

Войско выставляло 1 гвард. взвод, 4 конных полка, 2 батареи.

Амурское Войско. Официальное старшинство не установлено. В 1856 году ноября 1-го, решено было выселить на Амурскую линию часть Забайкальского войска, а в 1858 году декабря 8-го последовал указ об образовании Амурского казачьего войска.

Войско выставляло 1 гвард. взвод и 1 конный полк.

Уссурийское Войско. Официальное старшинство не установлено. В 1860 году июня 1-го, на основании нового положения об Амурском войске, сформирован Уссурийский казачий пеший батальон, переименованный в 1886 году июня 26-го в Уссурийское Казачье Войско.

Войско выставляло 1 гвард. взвод и 1 конный дивизион.

Казачье население Иркутской и Енисейской руберний. Офи-

циальное старшинство не установлено. В 1725 году сибирским губернатором князем Долгоруким составлено первое расписание «сибирских служилых людей», в числе их — 8-ми тысячам казаков. В 1822 году утвержден устав о сибирских городовых казаках, включавших в себя Иркутский и Енисейские конные полки.

Войско (назв. Енисейским) выставляло 1 гвард. взвод и 2 кон. дивизиона.

Воинская сила каждого войска указана к началу войны 1914 года; во время войны эта сила утраивалась, что дает весьма внушительную казачью армию около **пятидесяти** дивизий. Во время гражданской войны казачество выставило **поголовное** ополчение.

Казаки носили лампасы: красные — донцы и сибирцы; малиновые — уральцы и семиреченцы; голубые — оренбуржцы; желтые — астраханцы, забайкальцы; амурцы, уссурийцы и енисейцы; у кубанцев были красные бешметы, у терцев — голубые.

Казак выходил на службу, имея собственное: коня, седло с полным вьюком и переметными сумами; всё обмундирование, до белья включительно, холодное оружие и винтовка от войска (с надписью — «каз».).

О казачьих землях, о их народонаселении — в следующий раз.

Казачий сказ о Бакланове

(Рассказ старика, его вестового Василия Семеновича Похлебина, станицы Нагавской)

— «Ты думаешь, что Яков Петрович Бакланов был просто генерал, да и все? Ан, нет! — большой он был человек!... Покойный-то царь-батюшка, — царство ему небесное, — любил его и знал, как верного друга. Знал царь-батюшка, что Кавказ покорил ему не Барятинский князь, а донской казак Яков Петрович Бакланов. Уж очень болезно было царю-батюшке, чтобы не извели Якова Петровича. И когда бывал на Кавказе, всегда говорил: «Ты, Яков Петрович, береги себя». Видишь, милый мой, как царь-батюшка беспокоился о нем, как о сыне родном. Что и говорить верный слуга был отечеству и прославил казачество. Так вот, раз за обедом царица и говорит царю:

— Саша, скажи генералу Бакланову, чтобы он приехал к нам. Я хочу его поглядеть: какой он? А то все окромя меня знают и видали его. Ведь не шутка — покорил Кавказ и Шамиль ему подчинился. Я ведь слыхала, как наши господа министры промеж себя разговаривали о том, что Шамиль-то не захотел сложить оружие Барятинскому, а когда посадили перед ним Бакланова, он ему сразу и отдал, без разговора, свое и ружье и шашку.

— А ты, что — подслухала? — спросил царь-батюшка. Ну, хорошо — будь по-твоему. Напишу ему письмо и пошлю скорым курьером. Только знай, что он грамоту с трудом знает, а сам росту громадного: в эти двери да и то с трудом войдет (а двери то были чуть не в полторы сажени). И вид то у него страшный — рябой, нос картошкой, как большая чакушка. Брови закрывают глаза, а рябины на носу такие большие, что когда он спит, то маленькие птички сядут в рябины — и не видать их, а руки — наши четыре сложить и то будут меньше его одной. Да, что говорить, зря ты затеяла видеть его — испугаешься.

И вот из Санкт-Петербурга скачут гонцы перекладные на Кавказ с письмом к Якову Петровичу. Прискакал гонец. Как получил письмо Яков Петрович, да как узнал, что пишет царь-батюшка, да как зашумит на меня: — «Васька! Скорее давай «Чорта»! А Чортом анзывал он своего коня. Оседлал коня, вывел ему, а он и прощай не сказал, как мзмахнул плетью, а Чорт как взовьется — и пропал. Только пыль осталась, такой конь у него был. Где нашим коням угнаться за его конем. Только видали Якова Петровича в станице Гугнинской, где он родился. Рассказывали, что конь весь в мыле стоял у кладбища,

а Яков Петрович стоял на коленях у могилы родителей и молился. Один старик, который был там, подслухал: «Молитесь о мне, мои милые родители, Господу Богу, чтобы гроза прошла. Что-то, должно быть не доброе будет со мной. Царь-батюшка на меня должно быть прогневался по навету врагов моих. Наш род Баклановых Ты всегда защищал, святой отче Николае, защити и сейчас меня грешного!». Широко перекрестился, поклонился могилкам, поцеловал икону, сел на коня — и как не было его. И к тетке родной не заехал. Так спешил. А в Санкт-Петербурге чего было — рассказывали, не дай Бог! Сколько собак передавил он, а люди насилу успевали в сторону убегать. Никогда не видали там такого гуда: конь — не конь, а на нем человек как будто с крыльями, а это не крылья были, а бурка Якова Петровича так развевалась. Перед самым дворцом чуть не задавил двух иноземцев, не то немцев, не то англичан; хорошо, что Чорт перепрянул через них. А у дворца, как увидали часовые, то узнали, что это генералушка Бакланов. Все отворили ворота, взяли «на караул», а он проскакал ко дворцу, прямо к дому, где обедали царь с царицей. А царь увидел его, выбежал ему навстречу, расцеловал его и увел в сторону, чтобы царица не увидала и не испужалась. И все-то ему царь объяснил, зачем его вызвал. Яков Петрович успокоился, только посматривал на коня своего: боялся, как бы не загнал его. Никому не дал. Сам расседлал, вытер его и сказал: — «Ну и дурак я, что Ваську не взял с собой». Это про меня вспомнил. Видишь? На другой день был обед у царя-батюшки. Народу было видимо, невидимо. Все миинстры были приглашены, все князья, да бояре разные, да иноземцы именитые, а с ними их жены. Отбою не было у царицы-матушки от этих жен: — «Царица-матушка, похлопочи перед батюшкой царем и за нас. И мы хочем поглядеть на Бакланова». Надоело милому царю-батюшке просьбы от царицы и говорит: — «Ты больше ко мне не приставай, кого хочешь, того и зови на обед, а у меня дело тут серьезное: я приказываю, чтобы соблюсти порядок и угодить ему, чтобы он себя чувствовал, как у себя на Тихом Дону, как в своей станице Гугнинской или Нагавской. Ведь это мой верный слуга и любимый герой из всех героев на свете». Где обедали, комната большая была. Такая большая, что тысячу человек сядут и еще просторно... Кругом, везде все золото, да серебро. И столы-то и стулья были серебряные. И приказал царь Якову Петровичу отдельно поставить водку — целую четверть. Да еще сказал: —«Если выпьет, то еще становить». И вот, когда все за столы, — у Якова Петровича все было, как царь сказал. Кругом Як. П-ча обсели самые бабы. Эта Евина порода так и лезут всегда, чтобы соблазнить человека. Но не на того напали. Он их и не заметил. Только увидал водочку на столе, четверть и сказал: — «Видишь, царь-батюшка знает, что перед обедом люблю горлышко промочить и поставил мне Адамову слезу». Это так

называл он водку. — «Хорошо, что догадался взять свой стакан». Из кармана вынул стаканчик серебряный, свой родовой Баклановский, этот стаканчил был его прадедушкой отбит на войне под Азовым у Паши Султана Турецкого. Три стакана выпьет и целой четверти нет. Налил себе этот стаканчик, выпил и говорит: — «Ничего себе, на нашу Баклановку похожа. Бабушка моя такую водку давала, бывало, выпить... Ну, после одной не закусывают». Выпил другой: «Бог любит Троицу» и выписл третий. На закуску перед ним лежал целый жаренный поросенок с кашей. Я. П. стал есть, как вообще люди едят. Стал еще промачивать горлышко. И другую четверть выпил. Индюка съел и курицу. А как кончил он и говорит: — «Вот это хорошо, — теперь можно и снова начать». С испугу иностранцы стали откланиватьсяі царю-батюшке, да уходить. Должно быть испужались, как бы Я. П. и их не съел. А вот бабы, какие сидели возле него, не испугались, и когда он ел, они накладывали в тарелку перед ним кости со всего стола. И наложили целую кучу, и Я. П. невидно.

Наложили, а одна храбрая Ева и говорит: — «Яков Петрович, то-то вы костей много наели и вас не видно». А он, сердешный, глянул: на столе нигде нет костей, а только около него. Засмеялся и говорит: — «Я не свинья, с костями не ем». Бабы и присели. Поняли они, Евина порода, что не на того наскочили. Он не только шашкой умел рубить, но и языком отрубал не хуже; значит, наступление бабье было отбито. Но бабы еще хотели сразиться с ним. Искали случай, как его пристыдить. После обеда стали все плясать, и бабы плясали. Все приставали к нему: — «Давай, Я. П., с тобой спляшем», а он им отвечал: — «Я то подрыгиванием ног не занимаюсь, а танцует у меня Васька казачка куда краше всех».

Это он про меня сказал. А потом случно ему стало, ходил, ходил — да и гладкий, паркетный пол, позолоченнымй надоел. Нога была у Я. П. такая, что наши две ноги одну не составят. А сапоги на нем, как корабли какие. Походил он, походил, да и подался до отведенной ему квартиры: пора и честь знать! А на другой день по приказанию царя-батюшки Я. П. должен был представиться самой царице, в ее покоях, в полном походном вооружеини, да еще в таком, в каком он воевал с Шамилем. Царица-матушка сидела на своем троне, а бабы все попрятались за разными занавесками и глядели, что будет и как представится наш-то генералушка. Вошел он к царице, подошел к ней. Она протянула свою ручку. Я. П. двумя пальцами взял, чтобы поцеловать, а она как закричит голосом: — «Ой, руку мне сломал». Испужался впервые Я. П. и отступил. — «Ничего, Я. П. не бойся. Знаю, что это не поумыслу. Это силища у тебя такая. Я тебя, Я. П., позвала, чтобы ты показал мне, как ты воевал, как ты рубился с черкесами. Все это про тебя рассказывали, что ты своей этой страшной шашкой разрубал черкеса

попопал — сверху до низу, и одна половина падала на одну сторону, а другая — на другую. Правда это?». — «Чего греха таить, матушка, грешен: ведь — война. Не я бы его, так он меня. Кто скорее, тот и победитель. А, что ты просишь меня, чтобы я показал пример, как я разрубал черкесов напополам, то этот пример у тебя, матушка, в комнате, да мирного человека рубить не стану. Мирного убивать нельзя: Бог накажет. Никак не могу. Воля твоя, матушка», сказал Я. П.

— «Нет, Я. П., я, может быть, не так сказала, а я хотела видеть, ну, как бы объяснить. Ну, чтобы было не на самом деле, а так примерно»...

— «А-а-а! Понял, милая матушка, это сделать как в тиятре», — перебил Я. П.

— «Да, да!» — сказала царица.

— «Ну, хорошо!».

Я. П. отошел от царицы на середину комнаты. Стоял, стоял. Думал, думал, а потом надел на голову свою большую, лохматую шапку. Только глаза, как у Змея-Горыныча засверкали. Поправил на себе бурку, расставил ноги, как будто сидит на Чорте.

— «Но, но», как крикнет, как гикнет, так занавески заколыхались и окна зазвенели. За занавеской одна баба упала в обморок и выкатилась в комнату. А остальные бабы завизжали, как кошки и разбежались. Но царица, хоть бледная, как сидела, сидит на троне. А Я. П., как выхватит свою страшную шашку, да как крикнет, как бывало на войне: — «Держись, го-ло-лобый!!!». Глаза его засверкали, как молния. Все офицеры, генералы, какие были скрытые в охране, выскочили, а царица закричала во все горло: — «О-о-о-й!». Я. П. уже вообразил, что на Кавказе и как крикнет еще ргомче: — «Что супонь развязалась, Евина ты порода?!» Тут царица упала без чувств.

Видя это, Я. П. спохватился и побежал из комнаты; но в дверях его задержал сам царь-батюшка и сказал:

— «Молодец Я. П.! Так и надо им, бабам, чтобы они в наши дела мужчинские не лезли». И царь еще больше полюбил его.

Вот каков был наш генералушка — Я. П. Бакланов.

(Записал И. М. Г.).

Ф. ЕЛИСЕЕВ

На берегах Кубани

(Первые шаги на военной службе)

Мой воспитатель, черно-усатый сотник Н. В. Шепель, типичный прообраз Казачьей старшины былого Запорожья, авторитетно заявил нашему «семейному совету», что — «Феде надо итти охотником на службу не в далекую «Закаспию», в свой родной 1-й Кавказский полк, а итти в 1-й Екатеринодарский, Кошевого Атамана Чепеги полк, стоящий в Екатеринодаре. Екатеринодар — столица Войска. Там — все возможности. Надо стремиться в центр, а не на окраину, где и репетитора не найти для подготовки к экзаменам в Военное училище... Цель, ведь — Военное училище, а не строевая служба! — хотя бы и на правах вольноопределяющегося!...» — заключил он.

Это было сказано так коротко, авторитетно и резонно, что «семейный совет» — молча согласился.

В первых числах марта 1910 года, на собственном коне с седлом — я прибыл в новый для меня полк «Черноморских Казаков» и зачислен «аказаком рядового «звания» в 4-ю сотню. Мой отец не поскупился и купил мне седло «под рогом» и с прибором с серебрянной насечкой. — «Окончит Военное училище — седло будет офицерским», — заявил отец.

Командир 4-й сотни, 50-летний есаул Крыжановский, из родовитой Черноморской казачьей старшины, имеющий собственный кирпичный дом в Екатеринодаре; но бритый под англичанина — принял меня чисто по-отечески и подал руку. Вызвав вахмистра сотни, сверх-срочного «пид-хурунжого Опомаха», казака станицы Пашковской — он дал ему соответственную инструкцию — «учить, но и оберегать молодого воина».

Мне было тогда 17 лет. Вахмистр назначил меня во 2-й взвод, коим командовал его же станичник, старший урядник «Дмытрый Юхымыч Побэда (Победа). Мне было позволено жить на частной квартире, в городе. С этой даты и началась моя военная служба и ученье.

С молодыми казаками прихода в полк 1910 году — я стал проходить все военные науки и присматриваться к быту казаков в сотне. Родом я «линеец», но попал в полк «Черноморских Казаков», где для меня открылся совершенно неведомый до этого мир.

Юношеская душа, легкомысленно, но настойчиво отбросившая очень успешное учение «на Войсковой счет» в Майкопском техническом училище для добровольной военной службе, чтобы быть офицером — с понятной жадностью и интересом набросилась на все новое, да еще мало ей ведомое. Мне очень нравился «язык Черноморских Казаков» — образно-Шевченковский, очень остроумный и с неиссякаемым юмором в любой обстановке. Правда, молодым казакам, очень трудно было отвечать на своем языке на словесных занятиях.

— «Кто таков часовой? — спрашивает под-есаул Мостовой.

— «Часовой не лыцэ бэспрэкословэннээ...».

— «Лицо не-при-кос-но-вен-ное...» — поправляет офицер.

— «Так тошно!.. Вашэ Благородье — лыцэ бэс-прэ-кос-ло-вэннээ...» — повторяет казак.

Собственный строевой конь очень скоро доставил мне много хлопот и неудобств. Его надо было чистить три раза в день. И самая основная уборка — была утренняя.

Стояли еще заморозки. Вода была ледяная. А надо замывать хвост и копыта. Главное же — вставать надо было в 5 час. утра, еще в темноте, итти в сотню и... выходило всегда с запозданием. После же уборки — возвращаться домой, пить чай и на ученье приходить только к 8 час. утра. Все это было очень неудобно и «ломало» мое утро.

Из семи вольноопределяющихся нашей сотни — только один я имел собственного кону с седлом. Все остальные же не имели даже и седел и прибыли в полк лишь для того, чтобы заранее отбыть сокращенный срок военной казачьей службы и быть свободным. Все они уже оканчивали его, все были «рядового звания», к службе относились «нехотя», редко бывали на занятиях, иногда дежурили только по сотне и никто не собирался поступать в Военное училище. Получалась явная несправедливость. Мой умный взводный урядник, недели две присматривался ко мне, а потом, после одной вечерней уборки, подозвав к себе и предложив стать «вольно» — сказал:

— «Вольнопрэдэляющый... можэтэ вы платыть в мисяць одын рубль козаку Орлу? — вин будэ чыстыть вашого коня...».

Предложение было очень соблазнительное и денежно для меня возможное, но мне было неловко отказаться от своих прямых обязанностей и в тоже время, я боялся доверить своего коня этому «казаку Орлу», который числился в сотне, по суду — «под надзором». Урядник Победа понял меня и добавил: «Нэ бийтэсь... Орэл козак добрый... всэ будэ справно...».

Казак Орел, по службе сверстник самого взводного, высокий светлый блондин, с открытым лицом, но плутоватыми глазами — он несколько раз, ночью, отлучался из сотни и отлучался так: после «вечерней зари», оседлает своего мощного коня и скачет в свою станицу за 18 верст «до жинци»... А к утру прибывает обратно. Конечно, на все это он имел «заговор» и с деружными и дневальными-друзьями. И вот, один раз запоздал «назад» и... попался. Был полковой суд. Дело «семейное». Офицеры, по казачьему пониманию — присудили его — «отдать под надзор сотни». И все остались довольны таким решением. А рядовые казаки, считали его поступок «молодечеством»; и, кроме вахмистра сотни до его взводного — фактически никто за ним и «недосматривал».

Урядник Победа передал ему мое согласие, а он, казак Орел, сдвинув свою папаху на затылок и подморгнув мне, лукаво говорит своему взводному:

«Дмытрый Юхымыч! а вжэж — «Орэл»?! и кивнул головою на своего коня — хлопнул его сильно по крупу своею мощною ладонью.

Этим он хотел сказать, что его конь очень мощный... он на нем уже совершил большие пробеги «у станыцю до жинци»... да и еще может быть совершу...

— «Ты мини дывысь!... а то я тэбэ!..» — ответил ему урядник Победа и для соблюдения своего начальнического престижа — отвернулся в сторону. А казак Орел вновь лукаво подморгнул мне. Ухаживал за моим конем он очень исправно.

В 4-й сотне было 3 взводных урядника, несколько младших урядников и приказных станицы Пашковской, таким образом — весь «цвет сотни» — состоял из «Пашкивцив».

Сотня очень хорошо пела песни. И вот желая оставить по наследству «певучесть сотни» в родном полку — эта уходящая на льготу «сотенная старшина» — ежедневно, до вечерней зари — собирала казаков на песни.

«Выходь на писни!..» — зычно пронизывал казарму дежурный по сотне. И все казаки, в особенности молодежь, услышав это — схватив кинжалы с поясами — стремглав бросались из казармы, даже и через окна, так как через 30 секунд после команды — взводные урядники и сам дежурный, словно шутя, и по-братски — запоздалых бодрили кавказскими легкими плетьми по спинам...

Но это считалось всеми совершенно неоскорбительно и не унижающее человеческое достоинство, а практикующееся исключительно «для молодечества» молодежи и для сотенной дисциплины.

Хор готов. Им всегда «дылыжирував плитью» все тот же мой взводный — «Побэда». Маленького роста, сухой, мускуластый, смуглый, с густым черным усом 25-летнего казака, оканчивающего свою службу — он, как и другие урядники сотни — был солидным и очень авторитетным среди казаков.

«Пэрви — сюды! Хтори — биля ных! Басы — коло мэнэ!». Этак он очень коротко и авторитетно группировал казаков «по голосам».

«Яку — Дмытрый Юхымыч? — спрашивал его запевало сотни, приказный Долонь — «Ый у поли не крыныця...! — авторитетно басом произносил Победа, и песня «заводилась» — мягко, нежно, протяжно и потом уж расширялась во всю свою мощь в голосах теноров и в рычании басов.

Как они пели!?... пели эти совершенно простые казаки — без нот, без учения, а так — как родила и воспитала их родная казачья отчизна...

Я пел «первым подголоском» — пел, прислушивался, улавливал новые, неведомые ещё мне нотки «безнотного пения» и разных переливов, и восторгался, и влюблялся в них, в этих неискушенных простых казаков, которые в своих казачьих украинских песнях и напевах — открывали мне новый духовный мир былого Запорожья, мало мне ведомого, но такой красивый и поэтичный, исходивший от самых сокровенных глубин их душ.

В своих песнях, они «спивалы», т. е., как бы молились своему «Казачьему Богу-Отчизны», не отдавая отчета — в чем он заключался, но знали — что он где-то есть, существует в природе...

И никто из казаков не покинет своего «строя песни», пока все тот же «дырыжор з плитью», старший урядник «Дмытрый Юхымыч Побэда», не скомандует: «Тэпэрь — расходсь....!».

Мы на конном учении. Издали показался в своем рыжем лысом былоногом и горячем коне — войсковой старшина Бабиев (отец известного героя, генерала Бабиева). Он помощник командира полка по строевой части — и — гроза полка. Стильный «горец» во всем — он, полк Черноморских Казаков воспитал в своем вкусе черкеской красоты, изящества и скромной нарядности. Упразднил ненужные казачьи позументы и яркие цвета; укоротил ненужные ремни в седельной сбруе казака. В сотнях — красные войсковые верхи на папахах — спешно заменялись серыми.

Пед-есаул Мсотовой, с волнением выстроил нашу смену «молодых казаков». Широким наметом взяв все барьеры, и не останавливаясь — Бабиев, 50-летний штаб-офицер, с видом всемогущего властителя полка — подскакал к нам. Громко поздоровавшись — шагом проехал вдоль шеренги, застывших в седлах казаков, острым и опытным взглядом своих серых глаз, осмотрел каждого, задавая вопросы. Я стоял в середине строя. Увидев юнца в погонах «с витейками» — он с любопытством, но и остро, посмотрел мне глубоко в глаза, явно изучая меня и задал вопрос:

— «Когда берете барьер — что должны вы сделать, вольноопределяющийся?».

Не искушенный еще в уставе я ответил просто:

— «Надо правильно сидеть в седле — Ваше Высокоблагородие!».

Вопросительно и испытывающе заглянув вновь мне в глаза, после короткой паузы, он сказал:

— «Правильно!.. молодец!..».

— «Рад стараться Ваше Высокоблагородие!».

Через 2 месяца после моего прихода в полк — 6 мая, в день рождения Государя Императора Николая 2-го — назначена была общая присяга для казаков всех сотен, прихода в полк 1910 г. Все они были собраны на большом плацу нашей 4-й сотни.

Было серое утро. Все мы были одеты в темно-серые черкески с черными бешметами и в черные папахи. Офицеры — в парадной форме. Несмотря на важность и торжественность дня и момента — на душе было как-то «серо», как был «серым» и наш строй еще мало обученных молодых казаков. Мы кого-то и чего-то ждали в полном своем неведении. Вдруг, из города, послышались отдаленные, но мощные звуки духового оркестра. Все повернули головы туда. Скоро из пролета улицы показалась исключительно импозантная конная военная группа.

Впереди верхом на лошади пожилой генерал с седою подстриженною бородою. Позади него около десятка офицеров. За ними мощный хор трубачей. Потом — развернутое знамя при офицерах-ассистентах и взвод казаков — охрана знамени.

Они шли неторопясь и вся эта конная группа была исключительно величественна и красива.

Мне казалось, что разверзлись небеса и оттуда спустились старые запорожцы, и на своих музыкальных инструментах — хотели открыть нам всем всю красоту и величие казачьей боевой жизни. Развернутое знамя, нарядная, блестящая серебром форма одежды г.г. офицеров и трубачей — эта смесь серебра, эполет и галунов на черном поле черкесок и кирпичного цвета бешметах, расшитых галунами; весь в серебре сверх-срочный штаб-трубач вахмистр, с пышными черными, с проседью подъусниками, и с многими шевронами на рукаве — были просто сказочны.

Я впервые в своей жизни видел этот парадный блеск и хор трубачей в конном строю, почему, с исключительным вниманием и влюбленностью, словно загипнотизированный, впивался в них глазами и своим молодым сердцем — переживал сладость и красоту этой военной картины.

Весь этот блестящий конный кортеж, — из штаба полка, от старой Запорожской Крепостной площади, где когда-то стояли «курини для казачьей сиромы» — проследовал с одного конца города на другой по нашей Красной улице Екатеринодара и вышел к нам, в наше тихое далекое и захолустное расположение 4-й сотни, чтобы показать нам полковую мощь и красоту и подчеркнуть значение наступающего момента — присяги своему Государю и Отечеству.

Кроме хора трубачей — все спешились. Знамя было поднесено к аналою. В пешем строю кое-что померкло в своей нарядности. Но зато, штаб-трубач вахмистр, он же и капельмейстер, с красивыми и многочисленными галунами на погонах и на рукавах, весь в серебре, и с еребристыми сединами в густых запорожских подъусниках, с серерянным корнетом в руках и на дивном вороном коне, — предстал перед нами так близко и в такой казачьей нарядности, впереди хора трубачей, что он отвлекал меня лично больше, чем все остальные в спешенном эскорте.

Короткий молебен и мы все, подняв правые руки кверху со скрещенными пальцами «для креста» — произносили вслед за полковым священником — невнятно, мало слышные нам слова присяги.

Потом что-то негромко говорил наш командир полка, генерал Неподкупной, водивший полк в японскую кампанию 1904-05 г.г. и теперь уходящий в отставку.

Потом мы все кричали «ура» и... прекрасное дивное видение казачьей парандой жизни, под те же высокоторжественные звуки хора полковых трубачей своего 1-го Екатеринодарского, Кошевого Атамана Чепеги полка, во главе с командиром, с развернутым знаменем и со всеми офицерами в своих блестящих серебром, черных парадных черкесках, с эполетами, при дорогом кавказском оружии — ушло от нас так, как и пришло, оставив нас на нашем большом пустынном плацу 4-й сотни — такими же «серыми» и скучными какими мы были и до их прихода, — с сумятицею в душах и с непониманием: «почему теперь, после присяги, которую мы даже и непоняли — командир полка сказал нам, что мы теперь стали «настоящими казаками», словно еще вчера, мы не были «настоящими»...

Массовая присяга не дошла глубоко — ни до ума, ни до сердца казака, почему и непородила остроты чувств личных переживаний.

«Но «гвоздем дня» — была призовая джигитовка учебной команды и лучших наездников от сотен. Всех участников было около 70 урядников и казаков. Подобной организованности и лихости — я больше не видел за всю свою военную службу.

Стоянка полка в столице Войска, наличие Войскового Атамана в ней — толкали полк считать себя, как бы « гвардейским», т. е. — лучшим.

На ждигитовке, один из «молодых казаков» 4-й сотни, только что принявший присягу — получил 1-й полковой приз. Сотня ликовала!

А через несколько недель, казаки прихода в полк 1906 года — были спущены «на льготу». Они выстроились в конном строю, «с полной укладкой вьюка» — тринадцать «Пашкивцев— во главе со старшим урядником Дмытрый Юхымычэм Побэда.

Отслужили молебен. Расцеловались со всеми офицерами.

— «Ну... а теперь с Богом, домой!...» — сняв папаху, отечески произнес есаул Крыжановский.

И все 13-ть, под крики «ура!» всей сотни, широким наметом выскочили в ворота. И безостановочно махая своими папахами в воздухе, все усиливая аллюр своих лошадей, скрылись в ближайшей улице Екатеринодара. До станицы Пашковской, всего лишь 7 верст... Ускакали и... что-то «оборвалось» — и в душах оставшихся казаков и во внутренней жизни сотни.

Стало пусто и скучно кругом. Словно все осиротели. Ускакали, ушли «на желанную льготу» — «домой» в свою родную станицу, в свой отчий дом «до жинци» — старшие казаки, «цвет сотни», «сотенная старшина», чтобы после долгой, 4-летней военной службы в родном полку— теперь заняться мирным трудом «хлибороба» — на берегах своей родной Кубани-Матери...

ПОНЕМНОГУ ОБО ВСЕМ

СЛОВО «КАЗАК»

Слово «казак» производится различно:

1) от «косогов» — народа кавказского;

2) от «козар» — народа скифского;

3) от «Казахии» — Закавказской области, упоминаемой Константином Богрянородным;

4) от «коз» — турецко-татарского слова, означающего «гусь»;

5) от «кö» и «зах» — монгольских слов, означающих: первое — «броня, латы, защита», а второе — «межа, рубеж»; откуда — «козах» значит «защитник границы»;

6) от именовании этим именем у татар бессемейных, бездомных воинов, составлявших авангард татарских полчищ в 14 веке;

7) от именования этим именем у бухарцев — киргизского народа;

8) от значения этого слова на половецком языке «страж», «передовой», «выходец».

Ни одно из этих толкований не может быть признано исчерпывающим.

ЗАВЕТЫ АТАМАНА ПЛАТОВА (1753-1818)

«...У донского казака — лошадь да сабля — вот его друг да потеха, а завелась зазноба и дело не то... Это хитрая наука, я вам скажу, ты от дела на вершок, а оно от тебя на аршин и так пойдете вы порознь, — хорош будет полк»...

...«Военная добыча позволена, а миродерство (т. е. мородерство) — нет! Военною добычею называется все то, что отбито у вооруженного неприятеля, что взято с бою, а не воровски; миродерством называется то, коли кто обирает жителей неприятельской страны, или пленных, которых поручено доставить наместо ; коли казак шарит по дворам, да по избам, а за это бьют, и Бог велит ответ держать. Что взял, с бою ты один, — то твое; что взял с товарищами — дели с ними! Коли плох, да труслив, — тому нет ничего; а кто едет сзади, да подбирает, тому следует дать плетей при сборе товарищей и отобрать от него все, что накрал».

...«Смерти не бойся: ее не минуешь; а бойся постыдной да постылой жизни. Как станут говорить казаки: такой-то де копытами смел; а у такого-то пика на перевес не ложится, а этот пару не боится, да дыму не любит, — так ведь и стыд, и смех, и грех; да опять-таки, и на том свете душа нужна; а кто присягал на одно, а делает другое, не будет прав и перед Богом».

Когда Платову, находившемуся еще за границей донесли, что один из вернувшихся из Парижа казачьих офицеров, стал появляться в Новочеркасске во фраке и с лорнеткой, то Платов положил резолюцию:

«Очевидно бедняга сошел с ума, что нарядился в костюм званию сумасшедших токмо присвоенный. А потому посадить оного хорунжего и кавалера в сумасшедший дом сроком на один год».

НАРУЖНОСТЬ ПЛАТОВА

Граф Матвей Платов был росту большого, волосы имел темные, глаза навылет серо-голубые, отменно быстрые и зоркие, лицо вообще приятное, мина благоприветливая, талия прямая, стройная, в походке легок, осанкою величественен...

(Смирный, 1812 г.)

ЗАВЕТ БАКЛАНОВА (1809-1873)

«Стой и не бойсь!»

«Покажи врагам, что думка твоя не о жизни, а о славе и чести Донского казачества!»

«Станичники и односумы! Я приехал из родного края и привез вам от него поклон. Дон завещает вам бороться одному против десятерых и охулки на руку не класть!

Братья! Я среди вас и поведу вас в бой с заветным криком Ермака: «с нами Бог!»

АДАМОВА ГОЛОВА

В Куринское укрепление, где был Бакланов со своими донскими казаками, пришла с Дона посылка; кто послал ее, остается тайной до сего времени. В посылке был значек, имевший вид большого черного знамени, на середине которого была изображена мертвая «Адамова голова», (т. е. череп), с двумя крестообразно положенными под ней костями, а кругом серебряною вязью было вышито: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь!». Когда этот значек впервые появился перед Баклановским полком, то он произвел своим мрачным видом впечатление на казаков, не совсем благоприятное. Но скоро это впечатление прошло, когда казаки увидели, что значек наводит на чеченцев панический страх, — они и так считали Бакланова шайтаном, а тут черное знамя с черепом и костями! Значек с этих пор был неразлучным спутников Бакланова. Император Николай II-й пожаловал 17-му Дон. зак. полку имени Бакланова этот значек и Адамову голову на папахи.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НИЖЕГОРОДСКОГО ДРАГУНА

Дело происходило на какой-то полянке. Мы, драгуны, прикрывали орудия. Вдруг, вправо от нас затрещали кусты и из них, прямо к нам, выскочил всадник колоссального роста на огромном белом коне. Это был Бакланов. С обнаженною сверкающею шашкою, в бараньем нагольном тулупе, наопаш, в огромной косматой папахе, сбитой на затылок, с длинными развевающимися по ветру бакенбардами, — он был невообразимо хорош посреди этой боевой обстановки. Раскрасневшееся от скачки рябое, изрытое оспою лицо, и вся фигура его дышали невероятною отвагою и силою.

Драгуны поддались невольному обаянию.

— Ну, братцы, — толковали солдаты: — вот так Бакланыч! Не диво, что от такого, прости Господи, лешего чеченцы бегут, как от ладона.

ШАМИЛЬ О БАКЛАНОВЕ

Бакланова весь Кавказ называл Шайтан (т. е. чорт) — Боклю. «Где пролетает птица, где проползает змей — там и дорога Бакланову», говорил Шамиль.

Когда сдавшегося в плен Шамиля спросили, что он хочет прежде всего увидить, Шамиль ответил: — Бакланова.

КАЗАКИ О БАКЛАНОВЕ

«Командир такой, что при нем и отца родного не надо. Есть нужда — иди прямо к нему: поможет и добрым советом и деньгами. Ничего не пожалеет, последнюю рубашку снимет и тебе отдаст. Но по службе, братцы мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцев, а бойтесь своего асмодея: шаг назад — в куски изрубит».

ПАМЯТНИКИ ЕРМАКУ

В 1859 году в городе Тобольске, недалеко от того места, где находился древний Искер, поставлен памятник Ермаку, в виде обелиска, а на родине Ермака в Новочеркасске покоритель Сибири изображен во весь рост с короной Сибирского царства в протянутой руке.

Первый Сибирский казачий полк имел своим вечным шефом Ермака Тимофеевича.

ТЕРСКИЕ КАЗАЧКИ
(Оборона Наурской станицы в 1774 году)

Была первая турецкая война и на Наурскую станицу Терского войска обрушилось восьмитысячное скопище турок, татар и кабардинцев. Строевые казаки еще не возвращались из похода, в станице были только старики да казачки. Неприятель расчитывал захватить станицу врасплох; но не тут то было!.. Наурские казачки вышли на защиту родной станицы; они лили кипяток и кипящую смолу на головы осаждающих; даже борщ, уже готовый к обеду, шел у казачек на дело защиты. Спокойно, рядом со стариками, встречали они атаки янычар, защищались серпами, косили косами смельчаков, появляющихся на земляном валу станицы

День защиты Наурской станицы — 11 июня — празднуется на Тереке до сих пор — «это бабий праздник», говорят о нем казаки! Еще в конце прошлого века можно было видеть старых героинь, украшенных медалями за свою геройскую оборону станицы.

На Кабарде до сего дня помнят, «как Кабарда пошла воевать, да не управилась с казачьими бабами».

АТАМАН МЕЖАКОВ

«Какое это писание ты подал, атаман?» — спросил у Донского атамана Межаква князь Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче!» — отвечал атаман. «Прочетше писание атаманское, быть у всех согласен и единомыслен совет», повествует летопись.

Для придачи большого веса поданному «писанию» Межаков положил сверху него свою саблю.

ПУГАЧЕВ

Один симбирский житель, бежавший от Пугачева, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного к цепи, стал осыпать его укоризнами. Этот симбирский житель был очень дурен лицом, к тому же и без носа. Пугачев на него посмотрел и сказал «Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал».

Пугачев в течение двух месяцев сидел на Монетном дворе, прикованный к стене, и был страшен даже в своем бессилии; рассказывают, что многие женщины падали в обморок от его грозного голоса и огненного взора.

(Пушкин).

ДОНСКИЕ ПЕСНИ

Казаки пели про степи широкие и дороги безконечные; про добра коня и родную мать; про войну и «дуван» (дележ добычи); про красную девицу; про талан и беталанье молодецкое. При уходе из пределов Войска казаки прощались в песне со своими родными реками: и с батюшкой-Доном, и с Хопром-молодцем, и с Медведицей-душой и с Донцом-удальцом.

КАЗАЧЬЯ ПРИЧЕСКА

Со времен Петра Великого у казаков была право-привилегия, дарованная им Царем — усов и бород не брить и волосы носить по своему войсковому обычаю. Этот войсковой старинный обычай был — стричь волосы в кружок, подбривая затылки и оставляя на голове длинные волосы с чубом, обычно подвитым. Но казаки последнее время почему-то не любили этой стрижки. Оренбуржцы завели обычай стричься «под польку». Волосы стриглись гладко, по-солдатски, но оставлялся спереди и с правого бока длинный клок волоос, долженствовавший изображать чуб.

АТАМАН ГЛАДКИЙ

Запорожскому атаману Гладкому, который в турецкую кампанию 1828 года передался со всеми живущими в Турции запорожцами России, император Николай I дал генеральский чин и орден св. Георгия 4-ой степени.

Как-то Гладкому случилось

представляться государю. Император обратил внимание на георгиевский крест, который Гладкой надел на шею.

— Крест этот носится в петлице, — заметил ему Николай Павлович.

Гладкой, ничуть не смутившись, ответил:

— На шии красывыйше!

КАЗАЧЬЯ МЕЖА

...«Казаки сойдяся с казаками других соседних станиц, согласились на счет границ станичных юртов (земель) и поставили на межах грани. Для того, чтобы межи лучше помнились в народе, казаки собрали всех взрослых мальчиков, как из своей, так и изо всех других станиц, водили их толпою по меже и пороли плетьми в тех местах, где стояли грани. Как кого высекут, так и пустят бежать домой. Делалось это для того, чтобы каждый мальчик до старости помнил то место, где он отведал плетей.

В старину пороли на межах, так же и станичных табунщиков и пастухов, дабы они крепче запоминали границы и не гоняли бы скотину, куда не следует».

(Тимощенков).

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ КАЗАКИ
(Боксерское восстание)

...Присоединившись к свите генерала я заметил шествующие на наших флангах индусские эскадроны и не мог не залюбоваться ими: и всадники и кони были красоты необычайной — точно бронзовые изваяния! Рослые, стройные, безукоризненно одетые в хаки, с тюрбанами на головах и длиннейшими бамбуковыми пиками в руках, индусские уланы на своих кровных конях рыже-золотистой масти представляли дивную картину достойную кисти художника-баталиста! Но я не мог не улыбнуться, увидав впереди каждого из этих 2-х эскадронов сказочных всадников-улан фигуру нашего забайкальца, в белой гимнастерке и в лихо-заломленной фуражке, на своем маленьком монгольском маштачке важно шествующую впереди всего эскадрона с чувством сознания своего собственного достоинства. На всей его фигуре было написано: знай наших, вот вы такие писаные красавцы, да только оболтусы, а я, простой казак, веду вас всех, словно стадо баранов!

(Д. И. Ознобишин).

ЗАПОРОЖЦЫ

Однажды Потемкин, недовольный запорожцами, сказал одному из них:

— Знаете ли вы, хохлачи, что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станут звонить, так в Сечи будет слышно?» — Тут дива нет, отвечал запорожец: у нас есть такие бандуристы, что как заиграют в Сечи, так в Петербурге затанцуют.

(Пушкин).

ТАРАС ШЕВЧЕНКО
(1814-1861)

Петербургская критика, и даже Белинский, осуждали Шевченко, усматривая в его поэзии узкий провинциализм, но зато Украина быстро оценила своего поэта. «Нехай буду казацкий поэт», писал Шевченко по поводу отзыва критики: «абы тилько поэт; то мини бильш ничого и не треба».

БИБЛИОГРАФИЯ

Ожидая выхода новой (третьей) книги стихов Владимира Смоленского, мы не можем не сказать несколько слов о его творчестве.

Недавно в одной из своих критических статьей Георгий Адамович высказал предположение, что от русской эмиграции если что и уцелеет, то только стихи. Если это предположение оправдается, то в числе немногих «уцелевших» будет бесспорно и Смоленский. В эмигрантской поэзии его стихи «милостью Божьей» занимают одно из первых мест. Смоленский природный казак, но в его стихах казачья тематика почти отсутствует. Это, быть может, и прискорбно; но это отнюдь не мешает всячески приветствовать его новую книгу: нам очень дороги хорошие стихи с казачьей тематикой, но нам также дороги хорошие стихи с тематикой общечеловеческой.

Книга Jean Savant «Les cosaques», увенчанная медалью Французской Академии, уже давно разошлась без остатка. Книга эта выходит вторым изданием с новыми иллюстрациями и в обложке работы нашего собрата Л. Л. Масянова. К новому изданию будут приложены многочисленные переводы автора на французском языке стихов и прозы членов «Кружка казаков-литераторов» в Париже.

«Общеказачий журнал», выпускаемый под неустанным руководством С. Г. Елатонцева Нью-Джерсейской станицей в Сев. Америке, становится более или менее постоянным периодическим органом казачьей прессы, привлекая новых сотрудников и тем увеличивая свою содержательность и свою заслуженную популярность в Европе.

Ввешность журнала не оставляет желать ничего лучшего.

Поразительна кипучая издательская деятельность Общеказачьей станицы в Шляйссгейме (Мюнхне). В буквально нищенских условиях существования и в весьма короткий срок станица нашла возможность выпустить (хотя и «домашним» способом — на ротаторе, но с подкупающим вкусом) уже несколько номеров журнала «На Пикете» с весьма разнообразным, часто малоизвестным историческим и информационным материалом, а также отдельными изданиями самостоятельные исследования «Исторический очерк Кубанской области» Л. Я. Апостолова, «История Кубанского гимна» полк. Елисеева, «Казачий календарь на 1948 год» С. В. Болдырева и его же «Казачьи поговорки и пословицы».

КАЗАЧЬИ ПИСЬМА

Число казачьих писем полученных правлением Казачьего Союза давно перевалило за тысячу. По мере возможностей генерального секретаря на все письма посылались и посылаются ответы, и выполняются все казачьи просьбы и поручения. Красной нитью через все письма проходит нерушимая любовь к родине, тяга к единению, гордость своим происхождением, отталкивание от мракобесия и политиканства, — от всего того, что может замутить чистую совесть казака, вовлечь его в авантюру. Чем малограмотные письмо, тем оно драгоценнее, — ибо написано сердцем, а часто кровью и слезами. Многие и многие казачьи письма просятся быть напечатанными на этих страницах, особенно из англо-франко-американских «зон», все еще отделенных от нас, если и не железным, то все же каким-то занавесом, за которым так обездолено-тяжело живется казачеству. И если мы не можем пока этого сделать в силу небольших еще размеров нашего «Вестника», то с тем большей готовностью отводим место для нижеследующего письма, обобщая в нем многие и многие письма, подобно этому, призывающие к братскому общеказачьему единению. Особенно нам ценно, что это письмо написано представительницей новой эмиграции, у которой, как мы и ожидали, неоказалось никаких «рвов», отделяющих ее от эмиграции старой.

Ко всем казачкам всех казачьих войск

Дорогие сестры-казачки!

Мы вместе с отцами, мужьями, братьями и сыновьями проходим тяжелый путь изгнания. Судьба забросила нас в чужие, неведомые края. Тяжела участь каждой из нас вне родиных, любимых мест, вдали от дорогих, близких людей. Всюду нас встречает холодность и неприязнь окружащих, всем мы здесь чужие. Трудно нам здесь в изгнании бороться за существование, за устройство быта, домашнего очага, уюта и культурной жизни.

Но нам нельзя опускать руки! Здесь, как нигде, сейчас, как никогда, мы должны показать себя достойной женщиной-казачкой. Для этого нам нужно подать руку помощи друг другу, должно объединиться, организоваться и вместе, общими усилиями, совместно с нашими отцами, мужьями, братьями и сыновьями бороться за лучшую жизнь. В организованности и сплоченности наша сила, в этом залог успеха борьбы за лучшее «сегодня» и еще лучшее «завтра». Наше будущее, наша судьба в первую очередь — дело наших рук, нас самих. Это сказала сáма жизнь!

Мы должны отрешиться от нашей замкнутости, навязанной нам ненормальными, тяжелыми условиями окружающего. Только нам самим действительно близки, дороги и понятны наши нужды, наши интересы. Следовательно, мы сами должны дружно и организованно взяться за дело взаимопомощи, а наши казаки нас поддержат. В первую очередь казачкам нужно объединиться вокруг наших казачьих центров (Америки, Франции, Германии) и издаваемых ими журналов, всячески помочь и поддержать это хорошее начинание. Нам нужно слово, нам нужен голос нашего казачества. Необходимо создать и укрепить наш печатный фонд. Начнем с этого, как будто, небольшого шага, дальше жизнь покажет, что нужно делать. Живой обмен мнениями, перекличка словом поможет нам сделать много доброго для нас самих же.

Среди нас много детей, стариков, больных. Невозможно им прожить на скудный лагерный паек. Болезнь и несчастье подстерегают каждого из нас. Нам нужен фонд взаимопомощи.

Призываю всех вас, казачки, где бы вы ни находились в изгнании, в Европе, Америке, Азии, Африке, Австралии! Окройте ваши сердца навстречу большому, хорошему и нужному делу, помогите нашим казачьим журналам и созданию нашего казачьего фонда взаимопомощи, как каждая из вас сумеет, как каждой по силам.

Да поможет нам всем Бог в изгнании, да направит нас и детей наших на хороший и правильный жизненный путь!

Казачка **Галя**.

Лагерь ДП (Британская зона).

КАЗАЧЬЯ ВЫСТАВКА

После устроенного в марте с. г. 1-го казачьего литературно-музыкального вечера, прошедшего с большим успехом, правление Казачьего Союза решило устроить казачью выставку.

Задача была в высшей степени ответственной и трудно выполнимой, требующей большой эрудиции, громадной энергии и материальных средств. Однако, благодаря Л.-Казач. музею, предоставившего для выставки свое помещение, задача была разрешена. Музеи л.-гв. Казачьего и Атаманского полков дали основной фонд эспонатов, пополненный широкой отзывчивостью частных коллекций.

Но кроме памятников прошлого казачества, устроители привлекли к участию и современные казачьи творческие силы, находящиеся в Париже.

Насколько выставка удалась, судить не нам, ее устроителям. Предоставим слово об этом двум парижским газетам.

«Русские Новости» (11 июня)

Казачий Союз, созданный около полугода тому назад, устроил в залах Лейб-Казачьего музея в Курбевуа прекрасную выставку, посвященную, с одной стороны, истории казачества, а с другой — работам казаков за рубежом. Казачьи реликвии и памятки настолько ценны и многообразны, что выставка эта является, бесспорно, крупным событием в жизни русского Парижа. А выставлено далеко не все.

— Места не хватило, — жаловались нам устроители. — Удалось разместить только треть того, что мы хотели показать...

Но и того, что показано, вполне достаточно, чтобы говорить о полном успехе выставки.

Очень богато представлен книжный отдел — первые труды иностранцев, посвященные казачеству (редчайшие издания Гербенштейна, Стрюиса, Карпини), первая книга о казаках, изданная в 1635 году в Венеции, первое изображение казаков на французских гравюрах 16-го века, первый гравированный портрет Стеньки Разина (1671 года). А наряду с этими «униками» целый стол завален казачьими журналами, альманахами, сборниками, выходившими зарубежом — редкий подбор эмигрантской казачьей литературы.

Привлекают внимание посетителя исторические документы — подлинные рескрипты Екатерины, рапорт Платова Кутузову после Бородинского боя, донесения, писанные рукою Суворова. Дальше идут реликвии, не менее замечательные — обеденный прибор Екатерины II с ножами, на фарфоровых черенках которых изображены казаки, кофейница и чашки, принадлежавшие атаману Платову, его боевое седло с золоченными стремянами, его казачья сабля. Казачье оружие, развешено повсюду — кинжалы, палаши; шашка, дарованная Екатериной донским казакам с золотой насечкой на клинке — все это в прекрасной сохранности.

Отдельная витрина посвящена атаманам казачьих войск — с редкими фотографиями, портретами, письмами Каледина, Краснова, Богаевского и других. Очень хороша бронза — группы и отдельные фигуры казаков донских, кубанских, терских, уральских (запоминается «Три казака на водопое» работы Лансерэ). Много живописи — картины Заурвейда, Финара, Вернэ (все о казаках). Забавна коллекция французских каррикатур на казаков (1814 год) и рисунки Карандаша. Целый угол выставки увешен лубками Егора Нарбута времен первой

мировой войны. Любопытна колода игральных карт с атаманами-королями и казаками валетами. Занятны оловянные солдатики — казачья лава, казаки на бивуаке. А в отдельных шкафах хранятся царские казачьи мундиры (с екатерининских времен) и под стеклянными колпаками покоются головные уборы и пышные кивера.

Всех выставочных богатств не перечесть. Укажем лишь, что часть выставки отведена под работы казаков в годы эмиграции. Отметим живопись художников-казаков И. Кюлева, уральца Л. Л. Масянова, недавно умершего С. Ефремова, В. Андриянова. Иконопись представлена работами С. Я. Чекуновой-Офросимовой и П. Агапова. Хороши художественные работы на шелку из мастерской Князева.

В минувшее воскресенье, в связи с выставкой, состоялся вечер кружка казаков-литераторов, основанного больше десяти лет тому назад. После доклада С. Я. Чекуновой-Офросимовой о русской иконе и рассказа, прочитанного В. С. Крюковым, выступали казаки-поэты С. В. Молдаванова, Л. Брижатова, Н. Н. Евсеев, В. Смоленский, Н. Станюкович и Н. Н. Туроверов. Последнего хотелось бы выделить особо, это не только талантливый литератор, но и один из вдохновителей и создателей казачьей выставки, о которой мы рассказали выше.

Б. Б.

«Русская Мысль» (25 июня)

С 15-го мая по 13-ое июня, в помещениях Лейб-Казачьего музея в Курбевуа, была открытаа Казачья Выставка, организованная правлением недавно созданного Казачьего Союза. Описание экспонатов, любовно и бережно сохраненных в тяжелых условиях эмиграции и пополненных на трудовые гроши, заняло бы многие страницы. Остается только кратко упомянуть, что не было такого отдела выставки, который бы не остановил внимания искушенного любителя и знатока. Книжный отдел, благодаря участию библиотеки ген. Д. П. Ознобишина, располагал редкими изданиями Карпини, Герберштейна, Стрюйса, Лесюра, старыми картами, а также отечественными исследованиями о казачестве Ригельмана и др. — вплоть до зарубежных казачьих изданий, которыми был завален большой стол: здесь лежали казачьи журналы и брошюры, изданные в Харбине, Шанхае, С.-Франциско, Нью-Иорке, Париже, Мюнхене, Берлине, Праге, Белграде, Софии — где бы казаки ни оказались, они всюду тянулись к своему печатному слову. Среди многочисленных документов обращали на себя внимание грамоты императоров и императриц, автографы Суворова, рапорт Платова и Кутузову, росчерк Бакланова с его георгиевским темляком. Среди безконечных портретов, картин, рисунков, гравюр, литографий, так или иначе изображавших казачество, сами за себя говорят имена таких мастеров, как Вернэ (отец и сын), Дебюкур, Заурвейд, Лауренс, Филипс, Хесс, Шадов, Гау, Орловский, Репин, Греков. Все это завершают лубки, занявшие собой целую стену.

Трагический ветер гражданской войны веет от редких фотографий Каледина, Дутова, Караулова, Краснова, братьев Богаевских, Попова, Назарова, Чернецова, лежащих со своими автографами и орденами в одном стеклянном гробу-витрине вместе с другими героями казачества более спокойных эпох. Императорская фамилия любила и носила казачью форму; многие ли теперь знают, что всѣ наследники Российского престола, начиная с Александра Второго, носили форму Атаманского полка, как атаманы всех казачьих войск, и под его георгиевским штандартом клялись на верность Империи и Императору. Богатая бронза изображает казаков, донского, кубанского, кубанского, торского, уральского, войск: Лансерэ останавливает на себе внимание,

так же, как среди многочисленного казачьего оружия и «справы», ленчик Платова со стременами и такая редкость, как знаменитый клинок «волчок», который буквально ценился на вес золота: Бакланов своим знаменитым ударом «с потягом» разваливал человека пополам. Витрины с фамфором показывают, как охотно прославленный фарфор Севра, Сакса, наш Императорский, Попова, Гарднера, Миклашевского пользовался «казачьим сюжетом» для своих очаровательных чашечек, блюдечек, статуеток, сервизов, — один из лучших современных знатоков керамики, донской казак А. А. Попов и его супруга Берта Ефимовна дали прелестные вещи из своих коллекций: личный золотой куверт Екатерины Великой украшен изображением казаков на черенках.

Прошлое — прошлым, но правление Казачьего Союза не только показало память о нем, но и предоставило место творчеству современного казачества. Коллекция икон работы С. Я. Рыжковой-Офросимовой (Чекуновой) показывает ее проникновение в тайны древней иконописи (ее «Рублев»), вещая простота сквозит в ее иконе Донской Божьей Матери, написанной специально для выставки. Иконы донского казака П. Агапова доказывают, что мастерская имитация старины в его руках уже становится самостоятельным творчеством. О Кюлеве уже много писала иностранная и русская зарубежная пресса и его четыре вещи, выставленные на казачьей выставке (иллюстрации к откровению св. Иоанна и к Данте), только подтверждают единогласное высокое мнение о нем. Уральский казак, художник Леонтий Масянов дал целый ряд своих прекрасных масел, акварелей, гуашей, цветного карандаша; останавливаются внимание его пейзажи и зарисовки казачьего уральского быта. Две мастерских вещи В. П. Андрианова переносят к 30-м годам прошлого столетия. Ныне покойный С. Ф. Ефремов представлен десятками своих работ. Работы на шелку А. М. Князева показывают его вкус и отличную технику.

На выставке были прочитаны доклады: Гоштовта: «Тьмутаракань. Истоки казачества»; Ковалевского: «Россия и казачество»; Масянова: «Уральские казаки»; Мельникова: «Что такое казачество»; Оприца: «Казаки в 1812 году»; Туроверова: «Платов в Лондоне»; Уланова: «Моральные ценности казачества» и «Калмыки»; генерала Флуга: «Дальневосточное казачество»; Чекунова: «Правда и неправда о казачестве» и Чекуновой: «Древние иконы. Донская Божия Матерь». Кроме того, были устроены вечера: казачьей детворы отрядов «Платов» и «Дон» уральский, калмыцкий, общеказачий и кружка казаков-литераторов, на котором читали свои произведения Л. Брижатова, С. Молдаванова, Н. Евсеев, В. Крюков, В. Смоленский, Н. Станюкович и Н. Туроверов.

Разнообразие и успех вечеров был обезпечен участием К. Горностаевой, К. Кириловой, В. Михеевой, С. Шуваловой, Г. Улановой и прекрасного кальмыцкого ансамбля, а также К. Барсова, К. Кайданова, К. Кирилова, Н. Кратирова, Юдина и квартета старинных казачьих песен в лице Гугуева, Калабухова, Пискунова и Свинарева.

Выставкой заведовали И. Н. Оприц и Н. Н. Туроверов, которые смогли справиться со своей задачей только благодаря самоотверженному труду Р. Аустрина, Б. Богаевского, В. Зеренинова, П. Кумшацкого, Ю. Топоркова и братьев Тюрморезовых, под неустанным руководством председателя правления Казачьего Союза доктора И. С. Чекунова.

В. В.

Выставку посетили сотни посетителей.

Серия докладов и вечеров в обрамлении многочисленных экспонатов, — в большинстве своем редких и первоклассных, — осветили сущность казачества с его религиозной, моральной, литературной, исторической, военной, географической, бытовой, а так же песенной и хореографической стороны.

Хроника Казачьего Союза

Выбранное общеказачьим собранием 28 декабря 1947 года в Париже, правление Казачьего Союза, начало свою работу с ничего: казачьи до-военные организации, за единственным исключеинем, перестали существовать — казаки были рассеяны событиями 1930-1944 г.г.; материальных средств у правления не было никаких; наученное горьким опытом, новая зазачья эмиграция относилась ко всему с величайшим недоверием и осторожностью. Обстановка для работы правлеиня Казачьего Союза была весьма неблагоприятной. Однако, прошедшие восемь месяцев паказали, что добровольный и бескорыстный труд членов правления не остался прадным. Как уже сказано (см. «Казачьи письма»), сделана большая казачья перескличка; розысканы стони родственников, близких и станичников, потерявших связь друг с другом; оказана посильная помощь инвалидам, старикам, больным и енимущим; устраиваются на работу, выплохатываются нужны документы для казаков прибывающих во Францию; делается все возможное для групповых перебросок; созданы отделы и представительства Союза в провинциях Франции и за ее границей; наконец, считая особенно насущной культурную казачью работу, правлению удалось устроить казачью выставку и начать издание казачьего журнала. Все это, конечно, является только преддверием громадной и ответственной работы, которая предстоит впереди.

Программа Казачьего Союза проста: объединение казаков всех казачьих войск, где бы они не находились; политическая сущность Союза яснее ясного выражена нашим вынужденным пребыванием за границей; тактика должна быть построена на хладнокровии, здравом смысле, работоспособности и на глубокой уверенности в том, что как бы временно казачество не разделялось (вернее: его не пытались разделить), оно остается однородной монолитной массой, и все казачьи ручейки сольются, рано или поздно, в одно русло.

Правление Казачьего Союза приветствует всех войсковых атаманов и их заместителей, сожалея, что некоторые войска их не имеют, а так же казачьи организации и всех казаков и казачек.

В единении сила!

Придавая особое значение отчетности в тех трудовых копейках, из которых состоит касса Союза, правление пригласило ревизионную комиссию, выбранную общим собрание, для про-

верки его полугодового отчета. Комиссия составила акт: «Ревизионная комиссия, состоявшаяся 10 июля 1948 года для проверки отчетности и денежных сумм за истекшее полугодие, нашла: отчетность ведется правильно, все статьи прихода и расхода оправданы документами, ко дню проверки наличность кассы представлена казначеем полностью. Ревизионная комиссия считает своим долгом благодарить казначея Л. Л. Масянова за понесенные труды. Председатель комиссии И. И. Усков, члены: М. Г. Божков и А. А. Греков».

Правление с своей стороны горячо благодарит Л. Л. Масянова за его труды и крайне сожалеет, что перегруженность служебной работой заставила его просить освобождения от должности казначея. На его место правлением выбран Н .Н. Евсеев. Членские взносы являются главным источником дохода Союза и правление не вправе скрывать все возрастающие расходы (пособий и ссуд за истекшие полугодие было выдано больше тридцати нуждающимся на сумму свыше 25.000 франков). Одной из статьей расхода является издание этого журнала, цена за который назначена минимальная — 50 фр. Имеющие возможность заплатить больше, да сделают это. Для регулярных выпусков журнала необходимо иметь постоянный фонд.

Адреса Казачьего Союза, его отделов и представительств:

Адреса Казачьего Союза, его отделов и представительств

Председатель Центрального Правления — M. Tchékounoff,, 12, rue Abel-Ferry, Paris (16e).

Генеральный секретарь — M. N. Touroveroff, 52, av. Normandie - Ni men, Blanc-Mesnil (Seine-et-Oise).

Казначей *E* M. N. Evséeff, 116, rue Vaillant-Couturier, Nanterre (Seine).

Лионский отдел, председатель — M. Gdkoff, 4, rue du Marché, Lyon-Vaise (Rhone); секретарь — M. Mélnikoff, 58, rue Coli, D cines (Isère).

Отдел востока Франции, — председатель — M. Jouravleff, 3, rue du Pont, Sochaux (Doubs); секретарь — Mlle Kozmine-11, rue des Huissets, Montbé, liard (Doubs).

Тулуза: M. Perekhodkine, Domaine da la Flambelle, av. des Arènes, Toulouse (H-te-G-ne). (Церковный староста Тулузы).

Северная Африка: M. N.V. Zambrjitzky, Camp Civil, Bournazel *Casablanca* (Maroc).

Англия: M. Litvinenko, E.V. W. Hostel, WWest Fend Rd., Ely (Cambs), Angleterre.

Бельгия: M. Ermak Lukianoff 8, rue du Plope, Li ge, Belgique.

Кроме того, мы считаем полезным дать адреса *Общеказачьего центра* и *Казачьего фонда* в Северн. Америке (объединяющих 3 станиц в различных Штатах):

World Cossacks Association R.F.D.1, Farmingdale, New Jersey, U.S.A.;

The Cossacks Fund M. S. Teterin, 210 East 34th Street, New York 16, N. Y., U.S.

Благодарно отмечаем широкую помощь казаков в Америке своим братьям в Европе, направленную главным образом, в окупированные зоны Германии и Австрии (Пра-

вление Казач. Союза посылок из Америки не получало).

Даем также адреса казачьих организаций в Китае, объединенных в *Казачий Союз*, под главенством полковника Бологового.

Оренбургская казачья станица — M. A. A. Dmitrieff, 39 Yulin Road, Shanghai, China.

Сибирская казачья станица — M. E. M. Krassnousoff, 232 Hardoon Road, Shanghai, China.

Енисейская казачья станица — M. A. G. Ushkoff, 118-9, 3 Rte des Soers, Shanghai, China.

Иркутская казачья станица — M. N. G. Chudiakoff, 808 C. Rue Lafayette, Shanghai, China.

Забайкальская казачья станица — M. V. V. Goromarenko, 6-9 Rte Larton, Shanghai, China.

Уссурийская казачья станица — M. L. M. Morozoff, 1722 Av. Haig, Shanghai, China.

Казачьи организации в оккупированных зонах Германии и Австрии, проявляя известную деятельность (главным образом в Мюнхене), все еще к сожаленію далеки от единения, столь необходимого для местного казачества, находящегося в исключительно тяжелых условиях; но мы отмечаем создавшийся не так давно в Мюнхене *Казачий Союз* во главе с В. А. Харламовым (M. Donskow, Berlinstr. 60, Munchen 19, U. S. Zone, Allamagne).

Весь материал для будущих номеров журнала надлежит направлять: N. Touroveroff, 52, av. Normandie-Niemen, Blanc-Mesnil (S.-et-O.).

Все заказы и денежные переводы: M. N. Evséeff, 116, rue Vaillant - Couturier, Nanterre (Seine).

Африка:

M. N. V. Zambjitzky, Camp Civil, Bournazel, Casablanca (Maroc).

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris